

18+

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

Семейный альбом

Виктор Авин

**Семейный альбом.
Литературный сборник**

«Издательские решения»

Авин В.

Семейный альбом. Литературный сборник / В. Авин —
«Издательские решения»,

В сборник «Семейный альбом» вошли произведения современных авторов,
в которых рассказывается о любви, семейных ценностях и дружбе.

© Авин В.

© Издательские решения

Содержание

Виктор Авин	6
И дверь открылась	6
Прощай, Верлен	7
Пирсингом по паркингу	8
Маргарита здесь больше не летает	9
Про мои буцы	10
Эдуард Артюхов	11
Странник	11
Лишь ива древняя растет теперь одна	12
Мечта-молитва	16
День смеющихся Ангелов	17
Бабушкины арбузы	19
Бабий день	20
Хлеб	22
Мой старый двор	24
Белорусское вкусное утро	26
Бог нам Отец	27
Бог не дает нам тех, кого хотим	29
Боль истинных потерь	30
Берегите близких	31
Благодать	32
К теще на блины	35
Белка-соседка	37
Берегите детей своих!	40
Быть может	42
В наше время такого не было	43
Васильки	45
Добрые люди дольше живут	47
Добрых снов малыш, малышка!	48
Дом, в котором я живу	49
Дом родной	51
Домик в деревне	54
Вечер вместе	56
Вечер зимний в деревне	57
Вечер. Деревенька моя	59
Вкус нашего детства	61
Если Мама рядом	62
Кухонька наша родная	63
Все реже мы встречаемся с друзьями	64
Грустный праздник	66
У могилы отца	67
Исповедь	69
У каждого в жизни свой чемодан	72
У могилы Мамаы	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Семейный альбом

Литературный сборник

Авторы: Авин Виктор, Артюхов Эдуард, Исида Ольга, Истомина Анна В., Ковалев Сергей, Костишар Валентина, Лобанова Ирина, Мурзин Василий, Петров Роман, Полещикова Елена, Попов-Соснин Сергей, Постоечко Ирина, Саамов Григорий, Смирнов Михаил, Сумин Владимир, Талленика Елена, Учаров Эдуард, Филиппов Владимир, Цхведиани Юлия

ИД «Литературная Республика»

© Виктор Авин, 2026
© Эдуард Артюхов, 2026
© Ольга Исида, 2026
© Анна В. Истомина, 2026
© Сергей Ковалев, 2026
© Валентина Костишар, 2026
© Ирина Лобанова, 2026
© Василий Мурзин, 2026
© Роман Петров, 2026
© Елена Полещикова, 2026
© Сергей Попов-Соснин, 2026
© Ирина Постоечко, 2026
© Григорий Саамов, 2026
© Михаил Смирнов, 2026
© Владимир Сумин, 2026
© Елена Талленика, 2026
© Эдуард Учаров, 2026
© Владимир Филиппов, 2026
© Юлия Цхведиани, 2026
© «Литературная Республика», издание, 2026

ISBN 978-5-605-16496-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемые читатели! Вы держите в руках «Семейный альбом», созданный из произведений авторов «Литературной Республики». Это несколько сотен страниц воспоминаний, наполненных вдохновением, мудростью, любовью, благодарностью. Вместе с современными поэтами и прозаиками вы перенесетесь в прошлое и, возможно, испытаете чувство ностальгии по своему детству и студенческим годам. Зафиксируете в своей памяти настоящее, чтобы сохранить самые светлые моменты и передать их следующим поколениям.

Сборник «Семейный альбом» создан в год особенный. Прежде всего, 2024-й объявлен в России Годом семьи. Кроме того, он аккумулирует юбилейные даты, которые так или иначе связаны с семейными ценностями: 30 лет назад впервые отмечался Международный день семьи, 75 лет исполнилось учреждению Международному дню защиты детей, 65 — Декларации прав ребенка, 35 — Конвенции о правах ребенка. В 2014 году ООН утвердила цели устойчивого развития до 2030 года и каждое из 17 направлений так или иначе связано с повышением качества жизни человека и всего, что ему дорого.

Виктор Авин
Санкт-Петербург

И дверь открылась

На белом, бледном полотне стояло блюдо.
На нем — два яблока, лимон; и край салфетки
Едва заметный плавный реверанс соседке —
Бутылке тонкой, налитой до края, —
Исполнил кружевами. Пламя,
Едва ли видимое чьему-то глазу,
Слегка кольнуло по хрустальной вазе
С цветами. Они своими тонкими шипами
Готовы были указать обидчице на место,
Но кресло, своим пустующим и одиноком
Видом удерживало время, и обиду
Яблока, готового скатиться на пол.
Его придерживал графин — на бледной,
Матовой от камерного холода
Хрустальной стенке замерла слеза. Пчела
Пыталась окунуть свое коротенькое жало
В бокал из старого каленого стекла,
Присыпанного пудрой по овалу.
Но тщетно — глубина событий не давала
Пчеле достать до дна, окутанного пылью.
И замерла она. Под абажуром.
Иголки света, растопыренною горсткой,
Сквозь дырочки материи из шелка
Держали потолок под заданным углом.
Втроем они стояли у окна. И ждали вечность.
А кресло ждало одного. Его.
И дверь открылась...

Прощай, Верлен

Здравствуй, мое солнечное утро
инеем покрытая береза
Муза моя в коже «берлиозовой»
дачная уютная подруга под
шелковым верблюжьим одеялом
на краю над скоком черепичным!
Здравствуй, «стечкин»!
С запахами мха, душистой прели
стояка от теплой, ниже, печки
пол, усыпанный сушеными грибами —
здравствуй, вечность!
Облако, смертельно-фиолетовое
что ты мне сегодня, псу отпетому
понастелишь на ухабистой дороге?..
Здравствуйте, лесные бандерлоги.

Пирсингом по паркингу

Она у паркинга не тормозила
(Сожгла сцепление на второй передаче)
Качался он на рессорах от «Зима»
Грузил у дома и на пятой даче.
На зависимой ее подвеске
Потёк цилиндр (все дело в смазке)
Он два по двести (стучит в моторе)
Брал без ремня и в военной каске.
Они встречались на автобане
Пять раз в неделю. Улетали в точку.
На нем оставались две милых ямочки
У нее при таране отвисали мочки.
А она разворачивалась в пол-оборота
В пол-оборота заводилась в гетрах
В ответ на тюнинг делала топлес
И меняла резину на новых ботах.
Он мерял след тормозной ее в метрах
И отходил на полсердца в титрах
А полсердца — это всего лишь капля
В ее симфонии дождя — «ре» нота
В которой пирсингом
По новому паркингу
Она тормозила
Уже полиглотом.
В его последнем рычаньи «май бох!»
Она поняла — все, выбрана квота
И долго пела еще «о мой лох!»
И прижималась к нему левым бортом
В последнем сотовом
у мото-корта.
Вот так рождаются эти ангелы:
Со смертью чёрта...
И он возрождался
Ее эскортом...

Маргарита здесь больше не летает

Родные дворики у каждого свои
За них легли отцы и много лимиты
Они зовут авто с Манхеттена домой
Места, намоленные мужем и женой.
Родные дворики, не сказке описать
Там яйца жаренные и игла вязать
На кухнях, дьявола и бога за столом
Встречать и тут же выдворять при домовом...
На кухнях, дьявола и бога за столом
Встречать и тут же выдворять при домовом
Чтобы не поняли как делают детей
Которые б не поняли в чем соль
Дворика, политого росой
Что цвета крови так мерцает на заре
Чем все повязаны соседи ради жизни
На планете во дворе, Луной зализанном
И почему не вылетает на метле
Маргарита? Она больше не в огне.

Про мои буцы

Пора воззрения менять на подозрение
что одуванчики не лампочки на поле
вокруг полянки, на которой кукурузник
стоит задиристо, согнув кривые ноги
задрав свой нос и подобоченив крылья
а одуванчики — пумпончики на тапках
и с них слетели уже гномы с парашютами
их держит ветер на своих прозрачных лапках
и пусто между крыл у кукурузника
нет книг на этажерке, нет инструкций
из двери на борту глядит Конфуций
в потертом шлеме, в галифе на босу ногу
в футбольных гетрах (для пилота кукурузника
что неестественно), естественно, глядит
на мальчика пшеничного в подгузниках
играющего с грузом в «динамит»...
и винт сработал неожиданно и сдуло
как ветром гномов, и заткнулся хор кузнечиков
траву пригнуло и видны всем стали буцы
и ахиллесовы пятки чьей-то женщины.
И кукурузник улетел. Поют кузнечки!
И в мареве трава стоит по плечи нам...
И мы стоим, два облетевших одуванчика
а перед нами сын играет на диванчике...

Эдуард Артюхов
Москва

Странник

Жизнь моя — всегда дорога,
Нет остановок на пути.
Хоть на миг остановился,
Нужно вновь вперёд идти.

Без движения киснешь тестом,
Чуть задержался — уж зудит,
Поспеши-ка в путь — дорогу,
Ждёт уж новое в пути.

Лишь ива древняя растет теперь одна (Богушевск. Беларусь)

Лишь ива древняя растет теперь одна,
Три поколения она пережила...
Нет пышной кроны больше у нее.
Года беру свое и у нее...

Мальцом гонял я здесь гусей.
У речки с аистом ловил я змей.
Из кожи их плели блестящие ремни,
Когда коров с друзьями мы пасли.

С семьей здесь ездил на покос.
И лошади давал я воду и овес.
На ней по лесу разъезжал,
Грибы в корзины набирал.

Вставал я с первым петухом,
К буренке шел за молоком.
С утра пшеном кормил курей,
Баландой потчевал свиней.

Парное пил я молоко,
Что делать ныне нелегко.
И скибку хлеба кушал с медом.
Затем — пройтись по огороду.

Картошка там белым цвела,
Ботва — почти мне до плеча.
Там куры прятали яйцо,
Когда в курятнике тесно.

А за клубникой — в старый сад.
Там на деревьях сливы, яблоки висят.
Черешня с вишней спеет где,
Скворцов смущая на заре.

На грядках зеленеют огурцы,
Как на подбор — все крепыши.

Гроздьями виснет сладкий помидор,
В корзину прыгнуть сам готов.

Горох душистый — вкуснота.
Бобам с фасолью — неровня.
Зеленый маленький арбуз,
Созреет в лето карапуз.

На солнце тыква греет бок.
А дыни набирают сок.
Цветы здесь в аромате млеют.
Сморода и крыжовник рядом спеют.

Чуть дальше, почти у тына,
Растет неспелая малина.
Но время будет ей созреть,
А нам собрать ее успеть.

Гоняем птиц мы, сорванцы,
Чтоб сад они не обнесли.
Чтоб к осени жив огород,
Там пугало с весны живет.

У речки баня с паром ждет.
По чистому закат пройдет.
Кто день в поту весь потрудился,
В реке и бане чисто мылся.

В закате солнце улыбнулось,
Чтоб добро нам в ночи уснулось.
Цикады в ночь хоть и трещали,
Здоровый сон не нарушали.

Траву душисту скирдовали.
Косить, сушить мы не устали.
Уютно спать на сеновале
В ночи, когда в трудах устали.

Вечерня вкусная и сытная была.
Опять парного кружку молока.
На сеновал — скорее спать,

Чтоб с первым петухом вставать.

Какие были тогда годы?
Жизнь мчалась вдаль без поворотов.
Восходы краше, чем закаты.
Мы — беззаботной жизни рады.

Прошли года. Немалы годы.
Закаты те же и восходы.
И ива у ворот стара,
Она давно не молода.

Под кроной пышною ее
Мы собирались так давно...
И черно-белое кино
Смотрели в клубе мы давно.

Из клуба шумно возвращались,
Под старой ивой собирались.
Здесь дед и бабка отдыхали,
Из клуба нас к вечерне ждали.

Как в черно-белом том кино...
Прошло, промчалось все давно.
Жаль, жизнь не черно-белое кино,
Назад не отмотать уже ее...

Осталась только ива древняя стоять.
Года не повернуть никак нам вспять.
Когда-то здесь кипела бурно жизнь.
Экспрессом годы жизни пронеслись...

И ива старая осталась одинока.
Завершена трех поколений здесь дорога.
На деревенском кладбище они
Рядком, все поколения, легли.

И опустел, когда-то полный жизни, дом.
Давно не проживали больше в нем.
Разрушился осиротевший старый дом.
Они ведь тоже умирают, когда хозяина теряют.

У речки баня кем-то снесена...
Ручей- когда-то полноводная река.
И аист больше здесь не промышляет,
Куда-то дальше ныне он летает.

Засох и одичал сад старый за гумном...
Засохли и крыжовник, и сморода в нем...
Теперь уж нет и самого гумна,
Нет огорода больше и двора.

Так и на древе родовом,
Засохла ветвь, став тупиком.
Деревни вымирают и дворы,
И вымирают целые роды...

Нет пышной кроны больше у нее.
Года беру свое и у нее...
Три поколения она пережила...
Здесь ива древняя растет теперь одна.

Мечта-молитва

Я верю! Если Бога сердцем попросить,
Мечту Он эту нашу в жизни может воплотить.
И на мгновение даст нам повидаться,
Со всеми, с кем пришлось нам на земле расстаться.

Вернуть бы тех на миг, кого забрали небеса...
Хоть на минуту, на одно мгновение,
Чтобы увидеть лица их, взглянуть в глаза,
Сказать три главных, важных слова,
И — отпустить их к птицам в небо снова...

Мы любим Вас! Мы помним Вас!
Мы не забудем Вас! Мы молимся за Вас!

День смеющихся Ангелов

*Нашим Ангелам-хранителям
посвящается*

День один в чреде других
Праздник радости для них.
В год один лишь выходной,
Теплой летнею порой,
Им Архангел Михаил
За труды их разрешил.

Да и то, с ограничением.
Нам для блага без сомнения,
Краем глаза наблюдать,
В жизни нас сопровождать.

Потому, когда проснулись
И с блаженством потянулись,
В небо им вы улыбнитесь
И услышать их стремитесь.

Славно Ангелы поют,
В мир неся свет и уют.
Ведь для них одна награда —
Голос их нам слышать надо.

Нас хранить трудна забота.
Не за блага та работа.
Даже если к ним мы глухи,
Не опустит Ангел руки.

Будет рядышком идти,
А случится и нести.
Поручение от Бога —
Нас хранить в пути-дороге.

Той, что жизнью зовется.
Нелегко по ней идетя.
Чтобы легче было жить,
Надо с Ангелом дружить.

Чтобы день один в году,
В дружном Ангелов кругу,
Все они могли смеяться
И за нас не опасаться.

День один в чреде других —
Праздник радости для них.
В небо им вы улыбнитесь.
Слышать в жизни их стремитесь.

Бабушкины арбузы

Жил бы я на бахче,
Кушал бы арбузы.
Ах, какие сладкие!
Как же они вкусны!

Но у нас на поле
Арбузы не растут,
Видно не уютно,
Холодно им тут.

Бабушке же нашей
Трудность — нипочем!
В этот год, по осени,
Арбузов полон дом.

Хоть они зеленые,
Хоть они малы,
Но внутри все спелые,
Сладки и вкусны.

Коротка теплая
У нас летняя, пора.
Не все они созрели,
Но это — не беда.

Вкусное варение
Получится к зиме.
Будем мы арбузы
Кушать в январе.

Не живу на бахче я,
Но кушаю арбузы.
Как же они вкусны,
Бабушки арбузы!

Бабий день

На Руси с давнишних пор
В этот день в детишках двор
Детей с мамкой, да с подарком,
К повитухам отправлял.

С поздравлением, с подарком.
С благодарностью, с поклоном.
Гостей бабка принимала,
Вкусной кашей угощала.

Еще помним мы таких.
Раньше было много их.
Повитухи старый дом —
Это маленький роддом.

Если нас не принимали,
То пеленать нас — пеленали.
Матерей учили наших
Даже как готовить каши.

Как с детьми им управляться,
Да с хозяйством на дому.
Повитух найдешь сейчас ли?
Может сотню на страну...

Мало помнят бабий день,
Коль стало меньше деревень.
Православные лишь помнят,
С пирогами в храмы ходят.

Богородице молиться,
Бога роду поклониться.
В этот день с давнишних пор —
Богородицы Собор.

Повивальных бабок мало,
Их почти уже не стало.
День же бабий, день же каши

Не забудем в жизни нашей.

Хлеб

«Хлеб — всему голова».

Золотые слова из великой песни

В. Балачан, Н. Кудрин, В. Захарченко

и весь наш народ

Мой дед и предки его словом,
Уча житейской мудрости основам,
Учил меня, что хлеб — всему глава.
Что жизнь ему для нас цена.

В него вложили столько сил,
Все, кто его для нас растил.
И кто бы что бы не сулил,
В посулы вкладывая пыл,

Подарки, серебро и злато,
Заморский сладкий фрукт
Иль дивный сытный овощ...
Дороже хлеб любых сокровищ!

И не простые то слова!
Всему он в жизни — голова!
Не раз он это доказал,
Когда от смерти нас спасал.

В ладонь натруженной руки
Дед крошки хлеба собирал,
Чтоб не упала со стола
И не пропала ни одна.

«Ты запомни, внучок,
Мой о хлебе урок.
Мне отец его дал,
Ему прадед твой дал...

Ты запомни, внучок,
Наших предков урок.
Скоро ты подрастешь,
Сквозь года пронесешь

Эту мудрость ты детям своим.

Много в хлебе труда.
Много в хлебе добра.
Много в хлебе любви.
Много в хлебе души.

Хлеб не просто продукт,
Он — спаситель и друг.
Он — мерило труда.
Он — мерило добра.

Прославляется он, воспевается он
От былинных времен,
До стола, что сегодня накрыт.
До стола, за которым семья.

А семья это — дом,
Где живем мы трудом,
И земля, на которой живем.
У земли хлеб трудом мы берем.

А родная земля: это — ты, это —я,
Это Родина наша с тобой.
Коли друг к нам придет,
Хлеб разделим мы с ним.
Коли враг — все за Родину в бой!

Ты запомни, внучок,
Мой о хлебе урок.
Предков наших с тобою слова
Хлеб — мерило всему,
Хлеб — всему голова!»

Я усвоил урок.
Деду дал я зарок,
Хлеб любить,
Как и он, навсегда.

Мой старый двор

Мой двор, ты стар уже, как я.
А был ты молодой и озорной,
Давно прошедшей сказочной порой,
Что называем детством мы с тоской.

Березы были стройны, высоки.
Сегодня же приземисты, грузны.
Нет деревянной сказочной горы,
Зимою-летом с нее катались мы.

Песочница нова, совсем не та,
В которой строили мы города,
И башни, замки возводили,
И куличи песочные лепили.

Пустырь большой стал мал,
Где в детстве я в футбол играл,
С друзьями днем и ночью мяч гонял,
И футболистом знаменитым стать мечтал.

Зимою где я на коньки впервые встал,
С друзьями шайбу клюшкой гонял,
Быть хоккеистом быстрым и известным,
Как Всеволод Бобров, с друзьями я мечтал.

Все новое. Лишь старая скамейка
Меж двух берез, по-прежнему, стоит.
Как и тогда, когда березки молоды,
Тонки, стройны и очень высоки.

Здесь мамы новости и сплетни обсуждали,
Белье как высохнет, что на веревке, ждали.
По утру, в вечер бабки важно восседали,
Всем кости дружно и сварливо промывали.

Здесь деды и батьки, стемнело как,
То в домино, то в шахматы играли,
И водку с пивом потихоньку попивали,

Пока мы мяч на пустыре гоняли.

Скамейке детства мы не очень досаждали.
Лишь ближе к юности на ней девчонок обнимали.
На небе темном звезды яркие блестели.
Украдкой целовались мы, и как умели.

Как космонавты в космосе летают рассуждали,
И, как они, мы в космос полететь мечтали.
Кем быть по-детски мы рядили,
А повзрослев, о том почти забыли.

Мы в бадминтон и теннис во дворе играли
И, как японцы, мастерами быть мечтали.
О многом спорили и много здесь узнали,
А повзрослев, о многом забывали.

Здесь детство пробежало, пролетело...
Из детства юность многое забыть успело.
Но вот — пришла седая зрелость,
И в детство, помечтать, вновь захотелось.

Туда, где дел неопровержим с друзьями,
Где мама в ночь уж гонит в дом суровыми словами,
Где в домино и шахматы играли с дедами, батьками,
Где взрослыми, расставшись с детством, стали.

Мой двор, ты погрузнел и постарел, как я,
Хоть подновила, подлатала тебя дворника рука.
Нечасто нынче видимся с тобой,
Но с новым детством — все ж ты молодой!

Белорусское вкусное утро

Рассвело. Теплом брызнуло солнце.
Куры просо клюют на дворе.
Делом занят петух, наоравшись.
Просыпаться пора детворе.

Сон покинул крестьянский уж дом,
Коровьем пахнет парным молоком,
Что с утра Бабушка Таня сдоила
И по кружкам нам, детям, разлила.

Пахнет вкусно яичница спелая,
Рукой бабушки взбита умело,
Да на шкварочках, в печке томленных,
В русской печке по утру запеченная.

Скибка хлеба белого с медом —
Всегда радость малого народа.
С аппетитом съешь это с утра —
И счастливый бежишь от стола.

Нет забот до обеда и позже,
Как с друзьями в деревне игра.
И домой нас никто не загонит,
Только бабушка: «Снидать пора!»

Бог нам Отец

Бог наш един. Он нам — Отец.
К нему дорогу избираем сами.
Читаем сердцем знаки на дороге той,
Читаем сердцем, писано что не словами.

У Бога нет рабов, есть Его дети.
На белом, созданном Им, Свете.
Кто верит в Бога, тот Его дитя.
Того ведет Он, рядышком идя.

Чрез тьму безверия, грехов,
Ведет своих Бог дочерей, сынов.
И как бы не были они грешны,
Своей не отнимает Он руки.

Бывает строго за проделки научает,
Но Сына кровного на помощь посылает.
В подобии Своем рабов не созидает,
Детей Своих он к Свету направляет.

Кто в Бога верит, тот Его дитя.
И верующим может тот назвать себя.
Религии привержен кто, и верит,
Рабом себя считает тоже зря.

Отец раба не порождает,
Он сына Свету зачинает,
Чтоб сын рабом был не желает,
Отец рабом не воспитает.

Отца сын любит, уважает.
Отцу сын верит, почитает.
Быть на Отца похожим он мечтает.
И мусором отцовский дом не засоряет.

Все это раб не будет выполнять,
С себя опеку от мечтает снять,
С Отцом себя пытаюсь уровнять,

Не зная истины, пытаюсь выше стать.

Кто в Бога верит, тот Его дитя.
И верующим может тот назвать себя.
А кто в религии себя рабом считает,
Тот веру в Бога вряд ли принимает.

Бог нам Отец, и потому Его мы любим,
И потому с почтением Ему верим,
И потому той верой мы сильны,
Мы дети Бога, а не его рабы.

Бог не дает нам тех, кого хотим

Бог не дает нам, даже если молим,
Того, что просим и хотим.
Дает Он то, что нам необходимо,
Чтобы идти по жизни нам хватало сил.

Бог не дает того, кого желаем,
Нам тех людей, кого хотим, не посылает.
Дает людей нам тех, кто нам нужны.
Чтоб сами, должно, стали мы людьми.

И все зависит от того, кто мы.
Одни нас любят, злят другие,
Одних мы любим, не жалуем других,
Одни приносят дружбу, радости хоть миг,

Другие неудобства, огорчения и боль,
Одни боготворят, как будто ты — король,
Другие стороной обходят, зная не желают,
Но те и эти что-то в нас ломают.

Бог не дает того, кого желаем,
Людей, кого хотим, не посылает.
Тех, кто не нужен нам,
Тех рядом не бывает.

Боль истинных потерь

Больно, когда друзей теряешь,
Больно, когда теряешь родных,
Нестерпимо больно, когда Маму, Отца,
Словно мощно под дых чья-то рука.

Невольны мы временем управлять.
Богом решенное — нам не решать.
Боль от потерь остается в душе,
Ничто боль такую не лечит уже.

Ни время, как верит в миру народ.
Боль лишь затихнет, но не уйдет.
И ни лекарства, витамины, прогулки,
Прячется в сердце она глубоко, в закоулке.

Память ее иногда призывает...
Без боли той — лишь младенец бывает.
Жизнь проходит за годом год,
Боли все больше сердце несет.

Боль эта в сердце лишь затихает,
Радость, любовь ее умирят.
Но не уходит она никогда,
Если светлы наши сердце, душа.

Берегите близких

Увы, но возраст наш нам знать дает,
Что он со временем упрямо дружен.
А времени нам не замедлить ход.
Оно идет, бежит, летит. Из года в год.

Невычеркнутых все меньше адресов
Мы видим в книжке записной, листая.
Лишь имена не перечеркнуты рукой,
Чтоб память их в себе не потеряла.

Все чаще ходим мы на встречи со слезой.
Прощаясь, поднимаем тост за упокой.
Уходят потихоньку близкие, друзья.
И хочется кричать: «Вернитесь. Не пора!»

Но не вернуть мгновения назад,
Быстрее пули что теперь летят.
И не вернуть назад ушедшие года.
Не даст нам это время никогда.

Ушедших в памяти все шире строй людей.
Успел проститься с кем. С кем — не успел.
Их телефонов список поредел.
Их поминать отныне наш удел.

Цените тех, кто в жизни рядом.
Цените близких в жизни вам людей.
И берегите тех, кто в жизни рядом.
И берегите близких вам людей.

Благодать

Зима. Крещенские морозы.
В избе тепло, светло, уют.
В протопленной и прибранной избушке
Крестьяне нынче кушают и пьют.

С ночи молебны завершились.
Грехи в купелях, верю, смылись.
Семьей усердно помолились.
Крестьяне нынче празднуют, поют.

Сочельник с добрым словом завершился,
Окончен строгий православный пост.
Тепло сегодня. Благостно. Сегодня праздник.
Хоть и крепчал к Крещению мороз.

Борщом в избушке томно пахнет.
За праздничным семья столом.
Спокойно нынче, благодатно в доме.
Добром наполнен нынче дом.

Хозяин бодр нынче, радостен и весел.
По стопочке с хозяйкой пропустил.
Огурчиком хрустящим горечь горькой,
Но чистой как слеза, чуть пригасил.

Хозяйке и себе вновь стопочки налил...

Та у печи хлопочет. Довольна и она.
Муж не брюзжит сегодня, присевши у окна,
Что снегу нынче мало. Скорее бы весна.
За щеки уплетает яишню детвора.

Томлен в печи кабанчик и каша горяча.
Стаканчик ныне горькой позволит и она.
Капуста и грибочки, шмат нежного салыца.
Когда так вольно горькой откусает она!?

В трудах тяжелых денно обычно не гулять.
С утра до ночи в поле ей мужу помогать,
С утра до ночи в доме руки не покладать.
Сегодня можно в неге о лучшем помечтать.

Сластей чтоб боле детям тяжелый труд давал.
Чтоб в здравии муж был и меньше бы ворчал.
И чтобы в доме досыть, уют в нем и покой.
И чтобы пели здравицы, а не за упокой.

Мечты селян обычные в любые времена.
Крестьянский труд тяжел, сегодня и вчера.
Неурожай и голод... Не дай нам, Бог, война...
Не просто жить крестьянину в любые времена.

Вернулась к людям вера, воспрянула душа.
Быт стал домоустроеннее, труд полегчал... Слегка.
Но держит крепкой хваткою родимая земля,
Крестьянин — он крестьянином останется всегда.

Зима. Мороз крещенский. Погода хороша.
Все в серебре богатом: леса, поля, изба...
Священный праздник благодать в избу с собой принес.
На окнах сказку пишет узорами мороз.

В печи трещит поленце. Уют, тепло в доме.
Печь русская, что мама, любима и тепла.
Детишки в сладкой неге на печку. И — ко сну.
Сегодня сны цветные подарит им она.

Хозяин и хозяйка на пару за столом.
И благодать с любовью заполнили их дом.
Чего желать им вместе в такие времена?
Чтоб задержалась нынче шумливая весна.

Чтоб благодать подольше из дома не ушла,
Чтобы мгновенья счастья, что дала им зима,
Продлила бы грядущая веселая весна.
И лето подарило бы. И осень припасла.

Для счастья нужно мало...

Вот так, вдвоем устало, вкусив плоды труда,
С любовью и заботой, чему всегда пора,
Смотреть, как беззаботно в тепле спит детвора.

Крестьянин есть крестьянин в любые времена
Земля его богатство, избушка и семья,
Плоды его забот, плоды его труда,
Та, спящая на печке, родная детвора.

Зима. Мороз крещенский. Погода хороша.
Теплом и благодатью наполнена изба.
Крестьянин сыт, доволен. Мечта с женой одна,
Вот так бы, как сегодня, так было бы всегда!

К теще на блины

Праздник славный на Руси-
У народа он в чести.
В окончание зимы
Пекутся солнышки-блины.
Мясопустная неделя до Великого поста.
Третий день — стучит в врата.

Весел третий день народ,
Блины есть и сбитень пьет.
На гуляньях молодежь.
Продолжается кутеж.

Венец Масленицы узкой,
Разгул кухни вкусной русской,
Блинов разный широта,
Блинов с начинкой вкуснота.

Днем катанья, хороводы,
Чтобы прочь от всех невзгоды.
Песни, танцы и гуляния.
Не зря — «лакомка» название.

Коль женат- непрост тот день,
Тещи ждут своих детей.
Зять среди них -других важней.
Тещи нет блинов вкусней.

Блинами сытно накормила,
Сбитнем вкусно напоила.
В дорогу маслом умастила.
Блины тещи — это сила.

А народ весь день резвится,
В тройке можешь прокатиться.
На качелях покататься
И с кикиморой расстаться.

Но важнее в этот день

Блины съесть, испить сбитень,
У тещи в доме — «на блинах»,
Чтоб успех во всех делах.

Праздник славный на Руси —
У народа он в чести.
В окончание зимы
Пекутся солнышки- блины.

Третий день — важнее всех.
Только он дает успех:
Коли теща тебе друг —
Жизнь сладка, а не испуг!

Белка-соседка

Как-то в вечер, погасив дневной пыл,
Орехов плошку на окне я забыл.
По утру слышу стук я в окно,
Только-только еще рассвело.

Это кто же покой нарушает,
Ото сна меня отвлекает?
Но уже я проснулся давно,
Что ж, пойдем, посмотрим в окно.

За стеклом рыжая белка.
Заглянула в окошко несмело.
И хоть в глазках виден испуг,
По стеклу ее лапки скребут.

Здравствуй! Здравствуй, белка-соседка!
Не нужна тебе, вижу, конфетка.
На подоконнике углядела орешки,
Что ж, бери их и кушай без спешки.

Открываю окошко. Давай, заходи!
И к орешкам быстрее беги,
За окно их сейчас не тащи.
Ты присядь и спокойно грызи.

Для детишек, семьи наберешь,
Им орешков ты отнесешь.
Для тебя я окно не закрою.
Мы ж соседи, подруга, с тобою.

Как досуг, ты опять приходи,
Коль закрыто, опять постучи.
Я приду и открою окно.
И не бойся, соседи же мы.

Мы с тобою будем дружить,
Чтоб соседями добрыми быть.
В гости будем друг к другу ходить,

Чтоб соседями дружными быть.

Чуть с испугом в окошко прошла,
С недоверием к плошке пошла.
Не легко другом сразу стать,
Дружбу нужно свою доказать.

Но слова видно все поняла
И поверила в дружбу она.
С аппетитом сама угостилась,
Набив щеки, в лесок удалилась.

В вечер, в ночь, слышал я, приходила.
И куда-то орешки носила...
Я на утро к окну подошел,
На отливе шишку нашел.

И с тех пор не закрыто окошко,
На подоконнике с орешками плошка.
Белка бежит тихо, как мышка...
На отлив по утрам — шишка.

Живем дружно мы, по-соседски,
Не берет шоколад и конфетки,
А орешки любые уносит,
В благодарность шишки приносит.

Мастерю я из шишек поделки,
Не обижать чтоб соседку-белку.
Шишки-белки живут на окошке,
И человечков с ними немножко.

В холода лишь прикрываю окно,
Что-то нет соседки давно...
На откосе нет шишек — неважно,
Не случилось бы с ней чего?

Не больна ли в зиму соседка,
Не сломалась ли лапка, как ветка,
Иль еще приключилось что?
Завтра в путь. Знаю я, где дупло.

Но на утро — опять стук в окно!
Рад я — с белкой все хорошо!
Открываю окно. «Заходи!»
Трое белок пред ней впереди.

Трое славных пушистых бельчат
Быстрее мамы к плошке летят.
Не зря белка, видать, пропадала.
Бельчат на лапки своих поднимала.

Что ж, поставлю я плошку другую,
Да орешек еще подкуплю я.
На откосе, подходя к окну,
Четыре шишки я теперь нахожу.

Берегите детей своих!

Слишком много в мире трагедий,
Когда гибнут малые дети.
Дитя мало просто родить —
Надо жить его научить.

Значит нужно его взрастить,
Значит нужно его воспитать.
Дитя мало просто родить —
Надо жить его научить.

Берегите детей своих, чужих.
Звери гибнут за детей своих.
Без детей нет у нас ничего,
Что с рождением пришло — то ушло.

Потому для нас чужих нет детей,
Если жить мы хотим на земле своей.
Дети Родины нашей богатство —
Их должно любить и государство.

Наши предки за детей погибали,
До последнего их защищали.
Им последнее все отдавали,
Чтобы дети Руси выживали.

Чтоб жила Русь и прирастала,
Чтоб росла Русь и процветала.
Сила наша, Руси, — в наших детях.
Они жизни дороже на свете!

Погибают дети родителей беспечных.
Проблема эта, к сожалению, вечна.
Если дети есть, но они не нужны,
Значит это точно — пропадут они.

Без присмотра дети в жизни — одни.
Может быть и выживут, но — пропадут они.
Если дети есть, но нет для них л ю б в и,

Значит это точно — пропадут они.

Без любви, поддержки трудно в жизни быть.
Трудно быть любимым и уметь любить.
Погибают дети родителей беспечных.
Не должна быть проблема эта вечна.

Много ныне людей лихих,
Любви не было в жизни их.
Чтобы не было больше таких-
Берегите, любите — детей своих!

Быть может

Быть может, знакомы мы были,
Друг друга, быть может, любили
В жизни, когда-то, прошлой,
А ныне такой невозможной...

Быть нам всегда приятно рядом,
Говорим мы с тобою лишь взглядом,
Желание любить трудно сдержать,
Чувства свои невозможно скрывать.

В объятиях мир от нас отдаляется,
Время быстро бежать не старается.
В каком бы мы не были месте,
Мы в домике, построенном вместе.

А каждое прикосновение —
Вновь родиться стремление,
В жизни, где можно быть вместе,
В наше время и в нашем месте.

В наше время такого не было

Часто слышу сейчас, но не с неба, я.
«В наше время такого не было!»
То брюзжат коллеги по возрасту,
Нахлебавшись с детьми досыта.

Но, друзья мои, вы лукавите,
Свою взрослость бесполезно славите.
Не оценить молодых нам серьезностью,
Ведь они — это мы, очень взрослые.

Что творили мы в их возрасте?
У нас не было тогда серьезности!
Мы мечтали о разном и разное.
Как сейчас, все мы были разные.

Мы учились все тоже по-разному,
Кто трудился, кто больше праздновал.
Были цели у нас и стремления,
Состояться в жизни хотение.

Молодежь быстрее развивается,
Ума-разума скорей набирается.
Нет для них, как для нас, авторитетов,
Проверяется правда заветов.

На ошибках, как и мы, учатся,
И ведь знают-без них лучше получится.
Шишки бьют, как и мы, бестолковые,
Чтобы в жизни познать что-то новое.

Нам прогресс — дело рук наших новое,
Им же это — основа для нового.
Потому — нас быстрее развиваются,
И у них лучше то получается.

Нужно нам уже понимать,
Они лучше должны нас стать.
В этом жизни и есть движение,

В этом цель наша их рождения.

И они будут так же брюзжать.
Детей их, внуков наших, рожать,
На путь жизненный наставлять...
И, как мы, повзрослевши, брюзжать.

Будет слышно от них, но не с неба.
«В наше время такого не было!»
По спирали наш мир развивается,
Потому в мире все повторяется.

Молодежь наша не ужасная,
Лучше нас она и прекрасная!
Это — наша уверенность в будущее!
Это — молодости нашей лучшее!

Васильки

Если хочешь, чтоб девчонка
Обернулась, взглянув вслед.
Благосклонно посмотрела
И дала тебе привет.

Рано утром отправляйся
В поле спелой русой ржи.
И к обеду постарайся
Отыскать там васильки.

Набери букет небесный
И девчонке той неси.
Очень уж они прелестны.
Полевые васильки.

Дрогнет у девчонки сердце
От букета васильков.
Скажет: «Я — твоя невеста».
И не надо больше слов.

Васильки — цветы земные,
Но растят их небеса.
Коль робеешь сам сказать ты,
Все расскажут за тебя.

Потому то их охапкой
В поле трудно собирать.
Чтоб букет собрать достойный,
Много нужно прошагать.

Проверяют они чувства.
Те, что хочешь доказать.
Чтоб уверенно девчонке
О тебе все рассказать.

Коли пылкая любовь
Подавляет бойкость слов,
В поле ты быстрее беги.

Собери там васильки.

Васильки — цветы земные,
Но растят их небеса.
Коль сказать сам не сумеешь,
Все расскажут за тебя.

Добрые люди дольше живут

Добрые люди дольше живут,
Другим хоть добром свою жизнь отдают.
Хоть сердце свое состраданием рвут,
Добрые люди дольше живут.

Добрые люди счастливее живут,
Людям другим себя добром раздают.
Тратят они для других свою жизнь,
Душам людей они уют создают.

Добрые люди дольше живут,
Хоть в жизни бывает их неуют.
Но есть в сердце радость и светла душа,
Когда подарили частичку добра.

Добрые люди печальны бывают,
Кому-то когда помочь не успевают.
Горе бывает и у добрых людей,
Мир не щадит и тех, кто добрей.

Недобрые бывают смеются над ними,
Дольше живем мы в этом мире.
Но не правы они всякий раз,
Разве их жизнь радует нас?

Разве несет нам от сердца тепло,
Разве поможет, когда тяжело?
Разве спасет, когда надежда ушла?
Разве поет их когда-то душа?

Добрые люди дольше живут,
Добром хоть другим свою жизнь раздают.
Даже раздав, если рано уйдут,
Добрые люди дольше живут!

Добрых снов малыш, малышка!

День прошёл, угас и вечер...
Загнан Мамою в постель...
Ангел крыльями укроет,
Когда прикроет Мама дверь.

Стоя рядом, слушал он,
Как Мама колыбельную поёт,
Хоть дитя уж не младенец,
С песней сон быстрее придёт.

Колыбельная затихла.
Сон пришёл и ночь темна.
Мама в кухню — есть дела.
Ангел — распростер крыла.

Спит дитя, крылом укрыто,
Мама отдыхать должна,
По утру опять заботы,
Как пробудится дитя.

Ангел это точно знает,
Детский сон он охраняет,
Чтоб здоровым, крепким стать,
Ночью нужно детям спать.

Колыбельная иль сказка —
Всем родителям подсказка,
Как детей в постель загнать,
Чтобы сладко могли спать.

Ангел крыльями прикрыл.
Сновидений чудный мир.
Спета песня, закрыта книжка.
Добрых снов малыш, малышка!

Дом, в котором я живу

За рекою Днепром, на холме,
На окраине города старого
Типовой дом постройки «хрущевской»,
Заводского поселка не старого.

Он кирпичный, не деревянный,
С паровым отоплением сданный,
Для рабочего люда построенный.
Жить, родившись, я в нем удостоенный.

С домом этим почти мы погодки.
Еще бабушки были молодки.
Деды в силе, не стары были.
Мама с папой в детях ходили.

Славно в доме мы этом жили,
Вырастали, учились, дружили.
Из пеленок здесь выползали,
Ходить сами здесь начинали.

Жизни истины здесь познавали,
Во дворе здесь в футбол мы играли,
На катке зимою шайбу гоняли,
Нас с трудом домой загоняли.

Здесь нас книги читать научили,
Не хотя здесь уроки учили.
Папе с мамой в трудах помогали.
Здесь людьми они нас воспитали.

Общий добрый кирпичный наш дом,
Где и нынче все мы живем.
Куст сирени всегда под окном,
Да березы и липы кругом.

Вместе с домом живем и растем,
Близок мне родной этот дом.
И люблю я его потому —

Дом, в котором я живу.

Дом родной

Где бы ни был я, где бы ни жил,
Где бы по свету я ни бродил...
Старый дом и сирень под окном.
Сердцем там, где родимый мой дом.

Где впервые вздохнул грудью полно.
Где впервые увидел свет я.
Где, наверно, кричал я истошно,
Заявляя ему про себя.

Свет, где на руки принял меня,
И в объятия семья приняла.
Где любовь мне она подарила.
И любить свет и мир научила.

Где в коляске качали, возили.
Пеленали. Кормили. Растили.
Где носили меня на руках.
Где познал я и радость, и страх.

Где впервые пополз за познанием.
Ползал всюду с великим старанием.
Любопытный нос всюду совал,
С болью опыт себе набирал.

Где впервые отвергнул сомнения,
Были взлеты где, были падения.
Где впервые я на ноги встал.
Где впервые пешком пошагал.

Где пешком я ходил под столом,
За которым сидел я потом.
Подружился где с плюшевым Мишкой.
И друзей настоящих обрел.

Где впервые залез я под Елку.
Где впервые пришел Дед Мороз.
Где впервые я рад был подарку,

Что с собою в мешке он принес.

Где наукам учили меня,
Мне познания жизни дая.
Где учился я в мире как жить,
Чему в свете себя посвятить.

Мама где жизнь не только дала,
Объяснила в чем сила добра,
И со злом научила как биться,
И к чему нужно в жизни стремиться.

Где впервые сказал свое слово.
Где учился читать и писать.
Где прочел свою первую книгу.
Где стихи стал впервые писать.

Где я землю родную изведаль.
Где влюбился в родные леса.
По полям, где бродили мы с дедом.
Собирал васильки с дедом я.

Их дарили мы с ним по-простому,
Тем, кто близок и рядом всегда,
Всем девчонкам в семье, в нашем доме.
Он же — бабушке, маме же — я.

Где купался я в водах Днепра.
Где Смоленщины дух впитал я.
Человеком где я родился,
Смысл жизни когда понял я.

Где впервые и я стал трудиться
И руками добро создавать.
Где усвоил, что брать себе можно,
А что должно другим отдавать.

Где мечтал о полетах я в космос.
О великих свершениях мечтал.
И с родными где рядом я вырос.
Где отцом сам впервые я стал.

Старый дом. Под окошком сирень.
Свой не помню, как все, первый день.
Помнит он. И сирень под окном.
Он все помнит. Родимый мой дом.

Где я с родиной вечно сроднился,
Полюбил сразу, как я родился.
С ней учился я не унывать.
Здесь учился ее защищать.

Где бы ни был я, где бы я жил,
Где работал, и где бы служил...
Старый дом и сирень под окном.
Сердцем там я, где дом родной мой.

Домик в деревне

Домик из бревен. Русская печка.
Телом размякши. Ровно бьется сердечко.
Стол деревянный. Скатерть-клеенка.
Образы светлые в красном углу.
Светит лампадка по-праздничному.
Лампа, моргнувши, потухла устало.
Свечи, лучины огнем заиграли.
Вода из колодца. Вода из ручья.
Крынка сметаны. Кувшин молока.
Яишня на сальце. Черная скибка.
Сало. Кровянка. Свежая рыбка.
Яйцо спод несущки. Хрюшкины ушки.
Квас на запивку. Самогон с ледника.
В печке поджарка шкворчит не спеша.
А в чугушке — картоха томится.
Свежий лучок, и укроп, и редиска.
Сквашена вкусно с клюквой капуста.
Плошечка с маслом. Тарелочка щей.
Ложкой березовой пробуй скорей.
И пирожок с грибами, с картошкой.
Верь иль не верь, но — счастье возможно.

Домик в деревне. Лес. Озеро. Речка.
Вольно. Раздольно. Душою довольно.
Банька по-черному. Веник дубовый.
Не умирая, рождаешься снова.
Семья за столом. Хоть вставать спозаранку.
Вечерит размеренно. Сытно и чинно.
Дети уснули на теплой лежанке.
В центре стола с капустой пирог.
Спасибо, что ныне все это дал Бог.
Чинно по стопке. Простой разговор.
Что ныне случилось? Как было давно?
Звезды завидуют, глядя в окно.
Солнце за полем спать уж легло.
Месяц, завидуя, смотрит в окно.
Вот оно- счастье. Вот — хорошо.

Домик бревенчатый. Русская печка.
Домик в деревне. Родная земля.
Милы и любимы. Спокойна душа.
Нет более краше и милее земли.
Русь наша, Матушка, мы дети твои.

Вечер вместе

Потемнело давно за окном,
Затухают огарками свечи,
Засыпает, скрипя, старый дом...
Как прекрасен сегодня был вечер.
Пролетело мгновением время,
Что резиной тянулось всегда...
Незабываема его красота.

Вечер зимний в деревне

Зима. Снега и холода.
Трещат в огне в печи дрова.
На двор не рвется нынче кот.
Тепло там ныне не живет.

Печка. Рядом с нею кот.
Поленце тлеет и тепло дает.
Деревня. Дом. Тепло в нем.
Мы у печи скотом вдвоем.

Плита. Жаренка на плите.
Прищурен хитро глаз кота.
Глаза прикрыты, будто спит,
За сковородкой он следит.

Все больше печь тепла дает.
Снег за окном давно идет.
Уснул за печью домовой.
Тишь. Благодать. В доме покой.

Трещат поленца в старой печке.
Шкворчит жаренка на плите.
И чай поспел, и кот проснулся.
Пора вечерить нам уже.

Картошка с шкваркой хороша.
Закуска — и коту вкусна.
Шуршит за печкой домовой.
Ему мы — площадку с едой.

Как ни бушуют холода,
Должна быть в доме теплота.
С ней счастье и уют придут.
Все домовые это ждут.

Спокоен в доме домовый,
Когда уют в нем и покой.
Ему не нужно утруждаться,

Чтоб счастья в доме добиваться.

Зима. Снега и холода.
Трещат в огне в печи дрова.
На двор не рвется нынче кот.
Тепло в дому сейчас живет.

Вечер. Деревенька моя

Уже темнеет за окном,
И сумрак наполняет дом...
Лучом последним солнце
Сверкнуло, уходя, в оконце.

Ворвавшись в окна, ветер
Принес прохладу в вечер.
Играя пламенем свечей,
Движение оживил теней.

Еще немного — брызнут звезды...
Шмели утихли и стрекозы,
Уснут шумливые цикады.
А мы прохлады будем рады.

Примчавшись в кухню со двора,
Испив парного молока,
Оставив прыть для завтра дня,
Уснет блаженно детвора.

Затихнут птица и скотина.
И мы присядем возле тына,
Передохнуть от всех трудов,
Поговорить о том, о сем.

Ночь летом очень коротка,
И тем ценнее вечера,
Когда в прохладной тишине
Все утопает в добром сне.

И мы с устатку посидим,
О том, о сем поговорим,
И чтобы в утро с бодрым духом,
В подушку все ж уткнемся ухом.

Уже стемнело за окном,
И сумраком наполнен дом...
Свечи задуты. Спать пора.

Всем доброй ночи до утра.

Вкус нашего детства

Сегодня мир иной — в нем сахар гений злой.
Но было ране время, где нынешнее племя,
Рожденных уж давно — в годах шестидесятых,
Здоровых и простых, наивных, не богатых,
Любило леденцы из сахара простого —
Янтарных петушков он был тогда основа,
И белочек, и елочек, и шишек без иголочек,
И зайчиков, и мишек, и рыбок золотых...
Варенье, мед вкусны, и булка с маслом, с сахаром,
С повидлом пирожки и булка просто с сахаром,
Конечно были лакомства для нас — для детворы,
Но петушков на палочке любили больше мы.
Полна великой гордости малая детвора,
Когда в руке держала такого петушка.
Вкуснее нету лакомства для малой детворы —
Из карамели сахарной простые леденцы.
Таких сегодня нет уже. Другое ныне все.
И детство беззаботное давно уже прошло.
Но помнится вкус детства — простого леденца,
Ребенку что вручила мамина рука.

Если Мама рядом

Если Мама рядом, ты еще дитя,
Даже если взрослым назовут тебя.
Всегда для Мамы ребенком будешь ты,
С рожденья своего — до гробовой доски.

Если Мама рядом, должен рад быть ты,
Значит — не остался ты в мире без любви,
Значит — что бы ни было, ты найдешь приют,
Значит — в мире этом всегда нас дома ждут.

Если Мама рядом, есть к кому прийти,
Теплоту и нежность у кого найти,
Раны залечить, жизнь что нанесла,
Вспомнить, что лишь Мама всех нежнее рука.

Навсегда запомни! Взрослым став однажды,
Ты поймешь, что Мама не бывает дважды.
Миг придет — и Мама рядом вдруг не станет,
Нестерпимой болью сердце это ранит.

К ней в объятья снова уже не попадешь,
Нежность ее, ласку уже не обретешь,
Не с кем будет за полночь о жизни говорить,
Чтобы горя горького в жизни не испить.

Берегите в жизни Мамой что дано,
Это вам от Бога ей передано.
Братья, сестры, берегите каждый свою Маму,
Чтоб как можно дольше рядом была с вами.

Кухонька наша родная

Жизнь наша проходит на кухне.
Не в зале, не в спальне, а здесь.
Где Мама что-то колдует,
Чтоб завтра нам было что есть.

Как можем, мы ей помогаем,
Здесь учим уроки и ждем,
Когда всю семью созывая,
Накормит всех вкусным борщом.

Здесь с Мамой мы кашеварим,
И мастерим здесь с отцом,
Здесь будни проводим семьей,
И праздник, приходит что в дом.

Хоть кухонька и небольшая,
Не тесно семьей нам всем в ней.
Друзья, они и соседи, бывают —
Вмещает она и друзей.

Бывают кухни большие,
Пусты они и холодны.
Как кухонька многих вмещает,
Зависит, видать, от семьи.

Все реже мы встречаемся с друзьями

Все реже мы встречаемся с друзьями,
Все больше, но также редко, мы звоним.
Разбросаны мы расстоянием и годами,
А с кем-то и не встретиться уже, коль захотим.

Бег времени, увы, не остановишь.
Вспять реку времени не повернешь.
Друзей, что с детства, быстро мы теряем,
А новых в жизни много не найдешь.

Богатство, что Отец и Мама дали,
В пути-дороге мы, как ни храни, теряем.
В ячейке банка ведь его неохранишь,
Богатство это — наша жизнь.

На что ее растратим, то получим,
Когда забрезжит вдалеке закат.
К черте, что финиш, подойдем вновь нищи,
Хоть кажется кому-то, что богат.

Нет, ничего мы не возьмем с собой,
Лишь только то, что вместится в душе,
Мы без одежд на землю приходили,
Уйдем и в вечность тоже без одежд.

Ну а пока, звонить друзьям нам надо чаще,
Встречаться надо, хоть бы иногда,
Чтоб не тосклива была жизни осень,
Ведь не вернется пролетевшая весна.

Любовь уже размеренное чувство,
А глупости весны уже трудны,
Мы лето быстро, бодро прошагали.
Бежит и осень. Скоро до зимы.

Звоните чаще братья, сестры, вы, друзьям,
Ведь миг общения сердце наше греет.
Встречайтесь чаще, братья, сестры, хоть и трудно нам,

Общения с друзьями душу согревает
И время нашей жизни продлевает.

Грустный праздник

Грустный праздник на Руси.
Пламя трепетно свечи.
Православных поминания,
День покоя и молитв.

Нам для отдыха субботы
Даны тела, не души.
Поминальные молитвы
По утру уж прочтены.

О родителях усопших,
О почившей всей родне,
Об ушедших православных,
Прошагавших по земле.

Память светлая на вечно
Всем покинувшим наш свет.
Потому и грустен праздник,
Многих рядом с нами нет.

С верой жизни воскресения
В небесах они живут.
В райских божеских владениях
Воскресения с верой ждут.

В послушании пред Богом
Нам небесный то пригляд.
Только слышать научиться
Нужно то, что говорят.

В храмах мерный тон молитвы,
Пламя трепетно свечи.
Поминаем православных.
Праздник грустный на Руси.

У могилы отца

Здравствуй, батя, в день рождения твой,
С братом мы нарушим твой покой.
Мы помолимся о Царствии небесном,
Горькую в стаканчики нальем.

Вместе с мамой, как и жили, Вы лежите,
Потому и поминаем вместе Вас.
Поминая Вас и помолясь о душах,
Вы простите, выпьем мы за Вас.

Но сегодня первый поминальный
На погосте за тебя мы скажем тост.
Остальные все за Вас обоих,
То для нас давно уж не вопрос.

Здравствуй, батька, жил ты как шпана,
Но такая вся была тогда страна.
Что ж теперь тому нам удивляться,
Вам тогда пришлось в войну родиться.

Не всегда хлеб и у мамы молоко,
Есть тошнотики и взрослым нелегко.
Выживать учились в жизни с детства,
Так оно по жизни и пошло.

Хоть с трудом, хватило выжить сил,
С Мамой меня с братом сотворил.
И за это — благодарность от души.
Нынче с братом помянуть тебя пришли.

В день рождения, а не упокая,
Что настал, как писано судьбой.
Помянем тебя, с тобою Маму.
Вы теперь навечно с нею рядом.

Как и жили, нас, родив, растили,
Радости и горести делили,
Как могли достаток создавали,

Будем что мы лучше жить мечтали.

Но года, увы, неумолимы,
Потихоньку иссякают жизни силы.
Да и голод детский силы не добавил,
В организме след он свой оставил.

Выпьем рюмочку и молча посидим,
Вам без слов расскажем, что хотим.
И услышим, знаем, мы в ответ —
Шепот листьев... Ветер или нет?

Исповедь **(и Маме, и Богу)**

Я стихом тебя не баловал.
Я добра не замечал.
Ты его так тихо делала —
Праздник сам вдруг наступал!

Ты душою всеобъемлющей,
Сердцем, созданным добром,
Понимала жизни истину.
Мудро ты вела свой Дом.

«За добро ведь не пожалуют.
Зло лишь помнят навсегда», —
Так из зависти, наверное,
Говорили, проходя.

Мимо слез твоих бесхитростных.
Мимо радости простой.
Но никто тебе не сказывал:
«Ты не делай так, постой!
Все само собой уляжется,
Утрясется, так сойдет!
Все само собой пройдет!»

А жила отца ты мудростью,
Мамы женской простотой,
И великой жизни силою —
Безответной добротой.

Не могла сказать, ты, Мамочка,
Для себя самой: «Постой!
Пусть само собой уляжется.
Пусть идет само собой».

Ты любовь свою великую,
Отдала не только мне.
Ты своею жизни силою,
Многих привлекла к себе.

Добротой и задушевностью
Многих ты спасла во тьме,
Освещая сердца пламенем
К миру путь, а не войне.

Мимо горя, огорчения
Никогда не шел твой путь.
А ведь можно не заметить бы,
Стороною обогнуть.

Словом добрым, делом праведным,
Ты всегда могла помочь,
Несмотря, что жизнь не ласкова,
Иногда самой не в мочь!

Через месяцы и годы,
Через много даже лет,
Иль в семейном разговоре,
Иль обмолвится сосед,

Иль подруга проболталась,
Иль расскажет добрый друг,
Как и чем ты помогала
Тем, кто жил тебя вокруг.

Лишь укрывшись смерти саваном,
Тайны многие раскрыла ты.
Но обет ты не нарушила,
И сама не говорила нам.

Это люди, что согретые,
Твоим Сердцем и Душой.
Приходя о них поведали
С болью, не кривя душой.
Со слезой и огорчением,
И с огромной теплотой.

И добро, для них что сделано,
Не забыть, и не отнять.
Скромность чувство немонетное.
Скромность чувство безответное.

Что — не взять, то — не отдать.

Доброту твою безмерную
Не забыть нам! Никому!
Но вернуть хотя бы толику
Не удастся наяву.

И теперь лишь только в памяти
Светлый образ твой храня,
Доброту твою безмерную
Не забыть нам! Никогда!

Не вернуть долг бессеребряный.
Теплоты долг не отдать.
Ты делами безмонетными
Завещала: «Не страдать!
Жизнь любить, не унывать!
За добро добром не взыскивать!
За добро добром платить!
Жить, творить, а не гадать!
Даже если сам ты немощен,
Все равно всем помогать!»

Пусть гордится дочкой истинной
Богородица — Всем Мать!
Мне ж твоим заветам следовать,
Завещание — исполнять.

Ты прости меня, хорошая,
Что добро твое не ведая,
Не любил тебя, как должно я,
Не дарил тебе цветов.

Ты прости меня, любимая,
Что добро твое не ведая,
Не любил тебя, как должно я,
Не писал тебе стихов.
Прости.

У каждого в жизни свой чемодан

Нет лекарства от душевной боли,
Ни таблеток нет, ни уколов...
Если нелегко тебе, тяжело,
Значит Богом тебе жить дано.

У каждого в жизни чемодан свой,
Который лишь самому нести,
Он мал или очень тяжел и большой,
Не бросить его по пути...

В нем все, что положено Богом с рождения,
Тобой или кем-то еще...
Дела там плохие твои и сомнения,
Добро и что сделано хорошо...

Образ жизни, дорогу и веру
Выбирает каждый для себя.
У кого-то чемодан тяжел без меры,
Но открыта и чиста душа.

У кого-то чемодан пушинкой легок,
И дорога вроде бы легка...
Но будет ли счастье тому в жизни,
Ведь душа темна, пуста...

Если нелегко тебе и тяжело,
Значит Богом тебе жить дано.
Нет лекарства, когда болит душа,
Когда открыта и чиста она.

У могилы Мамы

Здравствуй, Мама! Мы к тебе пришли
В День рождения твой, мы с братом.
Здравствуй, вечно ты на небесах,
В храме давно ставим свечи мы за это.

Мы молитвы для души твоей прочли,
Поминальную монахи вечную читают.
Посидим сегодня на троих.
С братом мы по горькой выпьем в память.

Жизнь твоя была не так проста,
Как другим со стороны казалось.
Нелегко ее ты прожила. Ушла.
Но Сердца доброта у нас осталась.

Мы живем не так, как ты мечтала,
По ночам, как спим, смотря устало.
Но живем, тебя благодаря,
За науку жизни, саму жизнь,
Нас любя, что нам дала и отдала.

Удалось нам много достичь,
Из того, о чем для нас мечтала.
Но пришлось тебя нам хоронить,
Раньше, видит Бог, чем мы желали.

А желали, чтоб жила ты вечно,
Если б Богом людям то дано.
И уж точно — долго-долго,
Больше чуть, чем Богом всем дано.

Посидим вдвоем мы у могилы,
На троих, прости нас Бог, нальем.
Вспомним, как с тобою рядом жили,
И тебе расскажем, как живем.

Но, наверное, сама ты знаешь,
Говорят, что видно все с небес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.